

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ «ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА» ИТАЛИИ И СПОСОБАХ ЕЕ ОСВОЕНИЯ: «РОЛЕВАЯ ИГРА» КАК МОДЕЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

«Языковая картина мира» - исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсгербер, который ввел сам термин в науку, и др.). Оно, в частности, вырисовывается в таких выдержках из работ Э.Сепира: «Мир языковых форм, взятый в пределах данного языка, есть завершенная система обозначения... Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчета к другой» [2; 252]; «Каждый язык обладает законченной в своем роде и психологически удовлетворительной формальной ориентацией, но эта ориентация залегает глубоко в подсознании носителей языка» [2; 254].

Язык отражает систему взглядов и восприятий, своего рода философию его носителей. Взаимодействие языка и жизни общества обоюдонаправленное: наша жизнь влияет на наш язык, а язык – на нашу жизнь, на то, как мы воспринимаем мир. Язык – это инструмент разговора о мире, поэтому он вынужден отражать и картину этого мира. У каждой нации картина мира своя, поэтому и в каждом языке отражается она по-своему.

Среди новшеств русского языка, явно демонстрирующих и изменения картины мира, можно назвать и появления таких слов, как «успешный человек», «месседж», «креативный», «креативщик».

Надо отметить, что не все ученые признают существование языковой картины мира. К примеру, доктор филологических наук, директор института лингвистики РГГУ, автор книги «Русский язык на грани нервного срыва» Максим Кронгауз утверждает, что «сама идея языковой картины мира очень красива и хороша, но она немного преувеличена... не существует единой непротиворечивой картины мира, соответствующей языку. В языке окаменевают разные периоды развития языка и общества. Поэтому сказать, что язык отражает одну картину мира, на мой взгляд, нельзя» [3].

В задачу обучения иностранному языку входит не только изучение лексики, грамматики, фразеологии иностранного языка, но и знакомство и постепенное освоение особенностей восприятия окружающей действительности той нации, язык которой

изучается. При этом следует учитывать тот факт, что языковая картина мира находится в постоянном изменении – с появлением новых и исчезновением старых реалий, да и просто в связи с развитием такого живого организма, как язык.

В ходе обучения иностранному языку важно объяснить студенту наличие этой другой, чужой языковой картины мира. При изучении чуждой нам языковой картины мира следует учитывать и сочетать два пути движения, два подхода к пониманию межкультурной коммуникации. Первый путь – это поиск явлений и реалий, близких нашей языковой картине, то есть акцент делается на сходстве культур. Второй путь – это исследование новых для нас, непонятных, несоответствующих, не имеющих аналогов в нашем языке явлений, то есть акцент делается на различии культур. Первый путь помогает быстрее освоить иностранный язык, так как требует от обучаемого лишь «наложения» модели иностранного языка на модель своего родного языка. Близость языковых моделей при этом объясняется наличием языковых универсалий, или универсальных категорий. Второй путь открывает обучаемому новые горизонты, выявляет и активизирует у студента новые представления, в том случае, когда своя языковая картина мира уже не выступает в роли помощника.

При этом надо учитывать, что зачастую внешнее сходство языковых картин мира таит за собой скрытые различия. Что приводит к так называемым *ложным друзьям переводчика*, т.е. к неверному восприятию слов, конструкций, внешне похожих на существующие в родном языке, но на деле отличающиеся либо частично, либо полностью. Наличие таких конструкций и слов являет собой промежуточный уровень, «прослойку» между сходствами и различиями в языковых картинах мира.

Отметим отличие в обучении итальянскому языку от, скажем, обучения английскому. По большей части английский язык начинает изучаться в детстве, когда языковая картина мира родного языка еще сформирована не полностью. Итальянский язык начинают осваивать, чаще всего, когда уже есть опыт изучения иностранных языков, то есть обучаемый уже знаком с фактом наличия чуждых ему языковых картин мира, когда человек уже имеет примеры и своей, и уже изученной чужой языковой системы. Такой предварительный опыт в чем-то облегчает педагогическую задачу преподавателя итальянского языка.

Но зачастую приходится объяснять обучаемому, что языковая картина мира делится не на собственную и «все остальные», что каждый язык порождает свою языковую картину. Ознакомление с итальянским языком нередко ведется в сопоставлении не только с русским, но и ранее изученными иностранными языками. Только так вычленяются специфические объекты итальянской языковой картины мира.

Итак, путь ознакомления обучаемого с чужой языковой картиной мира идет через констатацию сходств чужой и родной языковых картин к поиску различий и выявлению важной «прослойки» – внешне схожих, но демонстрирующих языковые различия «ложных друзей переводчика».

Минуя существенный пласт сходств русской и итальянской языковых картин мира, отметим несколько элементов их различий и примеров ложной близости языковых картин.

К примеру, начинающему изучать итальянский язык кажется интересным и забавным, что у итальянцев не принято желать «Доброе утро», они обходятся словосочетанием «Добрый день» (“Buongiorno”) (и утром, в том числе) и в начале, и в конце разговора. Такой языковой факт обычно вызывает ироническую реакцию у студентов, мол итальянцы встают очень поздно, когда уже наступил день. Объясняется это различие очень просто: границы между временами суток не совпадают в представлении носителей разных языков. Так, русский язык располагает средствами для весьма детализированного обозначения первой части суток: *утром, поутру, с утра, под утро, к утру, утречком, с утречка, с утреча и т.д.*, чего нет, в частности, в итальянском языке.

Несоответствие представлений о разделении суток на части проявляется и в наличии в западноевропейских языках слов, с трудом переводимых на русский язык: итал. *pomeriggio*, франц. *après-midi*, англ. *afternoon*. В некоторых контекстах это слово может быть переведено как *после полудня, послеполуденный*; в других наиболее близким переводным эквивалентом здесь является просто слово *день*. Так, итальянской фразе *Ci vediamo domani nel pomeriggio* соответствует *Давай встретимся завтра днем*.

Другой небольшой пример касается географических представлений итальянцев: привычные нам географические расположения «на юге» и «на севере» они заменяют понятиями «внизу» (“giù”) и «вверху» (“su”), что иногда порождает двусмысленность их высказываний. «Что-то произошло внизу» – может означать как более низкий этаж здания, так и юг, южное полушарие в целом.

Причин появления «ложных друзей переводчика» множество, одна из них – это наличие заимствованных слов, которые всегда при переходе из одного языка либо меняют, либо частично видоизменяют значение, порой искажая его.

В качестве примера приведем несколько лексических единиц итальянского языка, демонстрирующих разницу смысла при фонетическом сходстве с лексическими единицами русского языка.

- «Лауреат» (от лат. «увенчанный лавровым венком») в итальянском языке (“*laureato*”) означает «выпускник университета», «дипломированный специалист». В русском языке это «человек, удостоенный премии за заслуги»;

- итальянскому слову “*giornale*” соответствует не напрашивающийся перевод «журнал», а «газета»;

- русскому слова «рука» соответствуют итальянские как “*mano*” («кисть»), так и “*braccio*” («рука от плеча до кисти»).

Вот несколько примеров на несоответствия лексических единиц в русском и итальянском языках:

- «Масло» – это и “*olio*” («оливковое масло»), и “*burro*” (“сливочное масло»). В русском языке в самом слове «масло» не выражается конкретика.

- «стипендия» – в русском языке означает пособие для студентов, аспирантов; в итальянском языке “*stipendio*” – это заработная плата;

- русское слово «камера» имеет полный фонетический аналог и в итальянском языке, только “*camera*” с итальянского языка переводится как просто «комната» и любое «помещение», не имея специфической коннотации «помещения специального назначения».

- На итальянский язык невозможно перевести, к примеру, наше «мне не спится» или «мне грустно». [6; 222].

Не следует забывать, что и русская языковая картина мира представляет определенную сложность для освоения иностранцами. В отечественной науке анализом лингвоспецифических концептов русского языка в межкультурной перспективе занимались Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, Е.В. Рахилина, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев, Е.С.Яковлева и др. [см., к примеру, 1, 4, 5] В качестве примера специфики русской языковой картины мира приведем слова из русского языка, которые плохо переводятся на другие языки, либо переводной эквивалент вообще отсутствует (как, например, для русских слов *тоска*, *надрыв*, *авось*, *небось* - одной из основных идейных составляющих русской языковой картины мира является представление о *непредсказуемости мира*: человек не может ни предвидеть будущее, ни повлиять на него, – *неприкаянный*, *задушевность*, *совестно*, *обидно*, *неудобно*). Языковая картина мира подразумевает и наличие основных, базисных понятий для языка. Так, А. Вержбицкая (автор теории о существовании у каждого этноса своих «ключевых слов») в русском этносе выделяла понятие «души».

Итак, задача преподавателя иностранного языка видится в демонстрации студенту как сходства языковых картин мира изучаемого языка и родного, так и различий, и что

очень важно – следует сразу оговаривать внешнее сходство картин мира, являющееся лишь скрытым различием («ложные друзья переводчика»).

В роли **способа** освоения чужой языковой картины мира предлагается изучение актуальных публицистических текстов на темы, важные как для родной картины мира, так и для картины мира изучаемого языка. И на анализе сходств и различий видения этих тем появится возможность выделить сходства и различия языковых картин мира.

Предлагаемый далее метод был апробирован на групповых занятиях по итальянскому языку на старших курсах путем разбора текстов на актуальную как для Италии, так и для России тематику – реформа высшего образования.

В качестве материала были взяты статьи последних лет на эту тему современного итальянского философа, писателя, крупнейшего специалиста в медиевистике и публициста У. Эко.

В качестве способа погружения в чужую языковую картину мира был выбран способ **ролевой игры**. Ролевая игра представляла собой дискуссию, напоминающую по своему ходу ведения и по распределению ролей некоторые ток-шоу. Целью дискуссии было сравнение систем высшего образования в России и в Италии. Студентам были предложены «роли»: одна подгруппа делала презентацию на тему «высшее образование» в России, другая – «высшее образование в Италии», ряд студентов выступал в качестве «групп поддержки», некоторые студенты задавали вопросы «из зала», в итоге один-два студента, назначенные «экспертами» выносили «вердикт» и обозначали сложившиеся в ходе дискуссии выводы. В качестве параметров сравнения были выдвинуты: продолжительность обучения в вузе России и Италии, обязательность/необязательность посещения занятий, плюсы и минусы бакалавриата (“laurea breve”) и другие. Преимущества подхода к дискуссии с позиций межкультурных сходств и различий именно в тематике изучения систем высшего образования двух стран видятся в том, что студенты прекрасно знают особенности и «подводные камни» этого вопроса в родной стране, поэтому им легко и интересно было вычленять их в стране изучаемого языка.

Итак, в качестве способа освоения чужой языковой картины мира предлагается внедрение «ролевых игр», способствующих абстрагированию студентов от норм своей действительности. А в качестве материала для подобных игр-дискуссий предлагаются свежие публицистические работы представителей изучаемой культуры.

«Диалог культур» и стремление проникнуть в чужую (не только языковую) картину мира проявляется, в частности, в том, что одна из последних статей на

итальянском языке о «языковой картине мира» (автор Л. Гебер) [см. 6] апеллирует именно к русским источникам, даже к работе Льва Гумилева от 2005 г. на эту тему¹.

Литература.

1. Зализняк Анна А. *О семантике щепетильности («обидно», «совестно» и «неудобно» на фоне русской языковой картины мира)*. – В кн.: Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.

2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии.- М., 1993.

3. Третий лингвистический взрыв. Предварительные итоги // Культура. № 3 (28 января – 3 февраля 2010), с. 4.

4. Шмелев А.Д. *Лексический состав русского языка как отражение «русской души»*. – В кн.: Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.,1997.

5. Яковлева Е.С. *Фрагменты русской языковой картины мира. (Модели пространства, времени и восприятия)*. М., 1994.

6. Lucyna Gebert *Immagine linguistica del mondo e carattere nazionale nella lingua. A proposito di alcune recenti pubblicazioni Studi Slavistici III, 2006, pp. 217-243*

URL: <http://ejour-fup.unifi.it/index.php/ss/article/viewFile/2136/2057>

¹ Для своих итальянских читателей в скобках Л. Гебер поясняет, что это сын Николая Гумилева и Анны Ахматовой.